

**Денис Тихий
Наталья Анискова
Игорь Маранин**

ДВОЙНОЙ АНХЕЛЬ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т46

Тихий Д., Анискова Н., Маранин И.

Т46 Двойной анхель / Д. Тихий, Н. Анискова, И. Маранин – М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 374 с. – (Аква).

ISBN 978-5-521-92466-0

Исследовательский корабль Круга Альбатроса подбирает на Границе Ада трёх моряков, переживших кораблекрушение – и одного не пережившего. Из памяти спасённых исчез последний месяц жизни. Помощник капитана Тапиох и радис Круга Железа Конифара пытаются разобраться в странных событиях, погубивших корабль.

Архипелаг Иноабу оккупирован войсками Северного содружества. Разведка южан и контрразведка северян затевают игру с высокими ставками. На кону – целая эскадра и жизни тысяч людей. Поражение обойдётся проигравшим недёшево.

Преподавательница университета Мусса Фонбора, авиатор с криминальным прошлым Маур дель Бриз и легендарный капитан контрабандистов Кармело де Циклон вместе с командой клипера «Свидетель» полны решимости найти следы пропавшей за Барьером экспедиции и разгадать тайну острова, скрытого за Скалой Миражей.

BIC FL
BISAC FIC009000

© Денис Тихий, Наталья Анискова,
Игорь Маранин, текст, 2020

© Макс Олин, иллюстрации, 2020

© Ольга Кандела, обложка, 2020

© Т8 RUGRAM, 2021

© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-92466-0

Денис
Тихий

Зелёное море

1

Некоторые трусы, а также бабы считают, что тепт¹ человека содержится в его сердце. Забавно слышать. Конечно, у трусов, а также у баб от испуга колотится сердце. Но что есть сердце? Все вы его видели – клубок мышц, изрядно вкусный, если сварить его в морской воде с душистыми травами. Воин Ахочлотаф, когда его сердце было вынуто из груди врагами, сделал ещё три тысячи шагов и на каждом шаге отсекал по вражьей голове. Сердце – лишний орган. После смерти каждый из нас отдаёт своё сердце Гребцу Костяной Лодки в качестве оплаты.

**Архипелаг Тепт: Разговоры у костра»,
записки путешественника**

Граница Ада была на удивление спокойна. Выйдя из полосы ливневых дождей, «Любопытный», исследовательский пиктрис Круга Альбатроса, две недели шёл по сонному океану, три дня назад оставив по левому борту остров, не отмеченный ни на одной карте. На редких архипелагах вдоль Границы Ада часто селились птеронимфусы, агрессивные летучие твари с зубами

¹ Слово, сочетающее в себе понятия ума и удачливости.

из ядовитого стекла, обычная высадка за пресной водой могла стать полноценной боевой операцией. Капитан Домон ограничился изучением береговой полосы через бинокль и подзорную трубу. Там росли невероятно толстые деревья, больше похожие на фабричные трубы, лишённые ветвей везде, кроме макушки. Прибой разбивался о чёрные валуны причудливых и неприятных форм.

Вода по курсу «Любопытного» сделалась странной. Фосфоресцирующие, бурлящие словно кипяток пятна сменялись областями густого чёрного цвета. Иногда за борт опускали трал, тащили несколько километров, поднимали и вываливали улов в широкий ларь, обитый железом. Рыба у Границы Ада водилась под стать этому месту. Уроды отвратительных расцветок, зубастые и шипастые, набухшие ядовитой слизью, покрытые шевелящимися полупрозрачными щупальцами, похожие более на порождение кошмара или на фантазию сумасшедшего, чем на живое существо. Дважды за этот поход боцманам приходилось чинить трал – подводные твари перекусывали крепчайшие тросы, как гнилые нитки. Рыбу ловили не для еды, а для научной коллекции. Художник рисовал, а радис Круга Железа, худая и высокая женщина по имени Конифара, одетая в балахон со множеством карманов и резиновый фартук, препарировала чудовищ и погружала их в ёмкости с подсоленным формалином.

«Любопытный» шёл прямым курсом, перемещаясь со светлых пятен на тёмные, как фигурка на доске в игре «Власть драконов». Даже юнге было ясно, что долго это спокойствие не продлится, Граница Ада найдёт чем удивить. В судовых журналах Круга Альбатроса имелись пугающие записи. Грозы, которые бушуют глубоко под водой, высвечивая ландшафт дна с полями чёрных водорослей и остовами затонувших кораблей. Мшистые каменные утёсы, покрытые птичьим помётом, которые плывут, подгоняемые течением, тяжело раскачиваясь

на волнах, словно перегруженные фойлы. Стаи птеронимфусов, яростно атакующие корабль безо всякой причины, сначала по воздуху, а потом, сбитые выстрелами ружей, по воде – их невозможно испугать, можно только убить, размолив свинцом в кровь и перья.

* * *

Рулевой Скрим с нетерпением ждал окончания вахты – в кубрике, который он делил с тремя штурманами, на откидном деревянном столе его поджидала порция крепкой чаги и густая крабовая похлёбка с галетами, налитая в специальный самогреющийся горшок. Но не еда и выпивка так тянули Скрима в кубрик. В набитой конским волосом жёсткой подушке, лежащей на его койке, Скрим прятал маленький узелок с косо разрубленной топором золотой монетой. Он нашёл этот «полукракен» в порту архипелага Хотти, где они простояли три дня, хотя слово «нашёл», которое Скрим использовал в своих мыслях, было не вполне верным. Прислонившись спиной к стене пакгауза в Хотти, дремала старая нищенка. Скрим увидел золото, блеснувшее среди меди, в её кружке для пожертвований. Его рука сама порскнула в кружку, выхватила монету и спрята в карман. Какой сумасшедший одаряет нищего золотом? Всё равно же прокутит, променяет на бочонок чаги и упьётся до смерти. Он быстро шёл в сторону корабля, ощупывая монету в кармане. Не монету – половинку монеты. Но тоже хорошо, Номос улыбнулся, можно будет купить шесть дюжин шариков «снежинки».

Скрим подсел на этот наркотик во время службы в плавучей тюрьме «Глюм», где получил в живот шилом из рыбьей кости от заключённого с красным клеймом на лбу. Рана долго не заживала, после третьей операции Скрим впал в тяжёлое состояние между сном и явью, ему мерещилось, что стая раскалённых ящериц устроила гнездо у него в желудке. Ящерицы

шевелились, свивались в клубок, царапались. Их медные тела покрывались чешуйками зелёной патины, они были так красивы, но жгли, невыносимо жгли. Наконец тюремный врач стал давать ему «снежинку», боль ушла, а ночи наполнились таинственным стеклянным смыслом, волшебной музыкой, утоляющей все печали, такой переливчатой и долгой, что Скрим никак не мог дослушать её до конца.

Подлечившись, он получил недельный отпуск на Таричесе, где спустил годовой заработок на Улице Синей Гусеницы. Дымные ночи, ласковые аборигены, большая комната, разделённая перегородками в подобие лабиринта. Он лежал на мягких циновках, иногда возвращаясь от «снежинки», чтобы выпить чаю, съесть немного риса, потискать смешливую служанку, а потом погружался обратно. На седьмой день к нему пришёл Немой. Держатели опиумных курилен понимали, что если они хотят продолжать своё дело, то не стоит возвращать алонкеев на службу в виде подгнивших овощей, так что Немой выполнял свою работу крайне старательно.

Выглядел Немой страшноовато – маленького роста, крепкий и непробиваемый, как валун. Его башка была выкрашена в серый цвет, а рот зашит толстой ниткой. Он отвёз Скрима в баню и целый час не выпускал его из раскалённой парилки, не сводя с алонкея взгляда, даже не утирая пот, льющийся по лицу. Потом он исхлестал Скрима мокрым веником и загнал в ледяной бассейн. Потом экзекуция повторилась. Скрим пытался звать на помощь, но в бане, кроме них, никого не было, а редкие служки разбегались, заткнув уши. Потом был весьма болезненный массаж, завёртывание в вонючие и осклизлые водоросли, тёплый чай, от которого сами собой выпучивались глаза, а сердце колотилось прямо в горле. Когда они вышли из бани на маленький задний двор, был уже ранний вечер. Немой поманил Скрима под навес между высоких поленниц, где обнаружилась квадратная каменная яма, забранная мелкой решёткой.

Сначала Скрим подумал, что это обезьяны какой-то странной породы. Потом он понял, что это люди. Они сидели там внизу, на кучах соломы, белые и тощие, с вогнутыми лицами и непропорционально огромными головами. Вроде бы двое мужчин и одна женщина. Просто сидели и плевали в сток для воды, расположенный в центре ямы.

– Кто это? – спросил Скрим.

– Ы-ы-ы, – горлом ответил Немой, ткнув пальцем Скриму в грудь.

Он достал из суйкана бамбуковую трубочку, вынул пробку и выкатил на ладонь горошину «снежинки». Люди-обезьяны немедленно вскочили и повернули вверх свои страшные лица. В их огромных зеркальных глазах читалась одна только жадность. Скрим увидел на плоских, как пустые мешочки, женских грудях татуировки, яркие цветы вокруг чёрных сосков. Такие татуировки носили служки Улицы Синей Гусеницы, сочные, красивые, развратные девицы. Скрим содрогнулся от ужаса, разглядев следы недавней красоты в этом обезьяньем теле.

Немой бросил «снежинку» в яму, и там немедленно началась драка, мелькнули шишковатые спины, разбухшие суставы, тощие задницы. Скрим отшатнулся от решётки, и Немой взял его под локоть, вывел из-под навеса под бледные звёзды, сунул под нос нюхательную соль.

– Всё-всё, – сказал Скрим. – Пойдём отсюда. Куда угодно.

– Ы-ы-ы, – промычал Немой.

Он выхватил из-за пояса гибкую трость и вручил её Скриму. Потом резко повернулся к нему спиной, скинул на землю суйкан и опустился на колени.

– Чего тебе? – удивился Скрим.

Немой несколько раз шлёпнул себя по спине, и Скрим разглядел между лопаток рубцы от прошлых наказаний. На Таричесе алонкеи считались полубогами, которым не положено было противиться. А Немой весь день мучил Скрима, совершенно

не обращая внимания на его возмущение. Сkrim взвесил в руке трость Немого – она была очень ухватистой и удобной.

– Поднимайся, я не стану тебя наказывать, – сказал Сkrim.

Нет, он не завязал со «снежинкой» после произошедшего. Но увиденное на Таричесе очень помогало ему держаться в рамках. Вот только на Границе Ада Сkrim постоянно чувствовал внутри себя вибрацию невидимой басовой струны. Первые дни удавалось не обращать на неё внимания. Потом она вовлекала в колебание всё его существо, Сkrim плохо спал ночами, его усталость прирастала. Спасти от этого была способна только «снежинка», хотя, как Сkrim в глубине души понимал, именно она и натянула внутри него эту самую струну.

Сkrim отвлёкся от воспоминаний и посмотрел в ночное небо. Звёздам в этих местах верить не стоило. Будто корабль накрыли колпаком из кривого стекла и этот ведьмин колпак сместил созвездия, часть звёзд спрятал, а кое-что добавил. Небо по правому борту так и вовсе осталось без звёзд. Днём с той стороны вздымалась стена бледно-зелёного света, волнующийся занавес, негасимое полярное сияние, уходящее, казалось, под самый небесный свод. Ночью свечение Границы Ада больше походило на фосфорический туман, иногда разрываемый ниточками бесшумных молний.

Справа, довольно далеко от «Любопытного», прямо на воде вдруг появилась вспышка белого пламени, вспухла, выбросила в небо три огненных стебля. Сkrim даже не успел осознать, что же он увидел, как с грот-мачты заорал вахтенный сигнальщик: «Три румба на луч октопуса к западу! Пять километров! Сигнал бедствия!» Сkrim поймал верёвку корабельной рынды, и ночную тишину расколол сигнал аварийной тревоги.

Засвистали боцманские дудки, парусная вахта заняла свои места, «Любопытный» лёг в дрейф. Капитан Домон и старший

помощник хорт Тапиох поднялись на мостик, когда баркас уже спустили на воду.

– Какая обстановка, Скрим? – спросил Тапиох.

– Последний курс параллельно Границе Ада. Ветер от четырёх до пяти баллов. Лежим в дрейфе, фэй, – быстро ответил рулевой.

Тапиох вооружился подзорной трубой, а капитан Домон взял бинокль. В мертвенном свете Границы Ада был виден плот, наспех сделанный из обломков рангоута и двух дюжин порожних бочек. Угловое сооружение неминуемо развалилось бы при первом крепком волнении, так что потерпевшим крушение очень повезло. Плот начал гореть с одного конца, вероятно, подожжённый взорвавшейся сигнальной ракетой. Огонь поднимался лениво и дымно, чужой и странный посреди океана. И никто не шевелился на плоту, Тапиох на секунду подумал, что спасать уже некого, все умерли.

Боцман Скабур, ловкий как обезьяна, первым запрыгнул на плот с пожарным топором в руках и столкнул в воду какой-то чадящий бочонок. Действуя быстро, спасатели передали с плота на баркас четверых человек. Скабур просигналил фонарём, что операция окончена, и спасатели тут же налегли на вёсла.

– Четыре человека. Ногами никто не ходит, – сказал Тапиох капитану. – Пожалуй, я помогу врачу, фэй.

– Действуйте, фэй, – ответил капитан Домон.

Они спустились на шлюпочную палубу. Нифаль, корабельный врач, был уже на месте. Он сидел на аварийном рундуке, и Тапиох едва сдержался, чтобы не сделать Нифалю замечание. Врач раздражал его, он был неопрятен и волосат. Хорт Тапиох выяснил, что на Ачтаплисе за ним водилась дурная слава азартного игрока, едва не вылетевшего за свои делишки из Круга. Они с капитаном совсем было зарубили его кандидатуру, но люди Тапиоха уверили, что Нифаль уже год как завязал с картами и костями. Кроме того, хорта впечатлило, что в свои

